

Образы животных в тувинских и кыргызских сказках в советских переводных изданиях на русском языке

Жыпар О. Султанова

Кыргызско-Российский Славянский университет им. первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина,
Кыргызская Республика

В статье рассматриваются образы животных в тувинских и кыргызских народных сказках, изданных в русскоязычных переводах в советское время. Сравнительный анализ образов животных делается с учетом соответствующей призмы русской лингвокультуры. Актуальность и новизна исследования заключаются не столько в определении образов животных в сказках двух родственных лингвокультур, но сколько в анализе унификации художественного восприятия образного ряда в рамках одной русской лингвокультуры.

Самыми популярными сказочными животными в анализируемых переведённых сказках двух этнических культур являются лиса, заяц и волк.

В русской интерпретации тувинских сказок образ лисы передаётся через ее изворотливость и представлена в рамках характеристики «хитрая», а в русскоязычных переводах кыргызских сказок строится вокруг понятий «обман» и «кара/наказание», которые, в конечном счёте, приводят к характеристике «наказанная». Образ зайца в переводах тувинских и кыргызских сказок на русский язык подаётся в двух ракурсах: первый — хвастливость, следствием которой выступает работа характеристики «блефующий», и находчивость, обеспечивающая функционирование характеристики «смекалистый» в рамках русской лингвокультуры. Наивность и доверчивость волка в переводах, как тувинских, так и кыргызских сказок на русский язык, определяется общей характеристикой «глупый».

Ключевые слова: тувинский фольклор; тувинская сказка; кыргызский фольклор; кыргызская сказка; образ животного; образ лисы; образ зайца; образ волка

Для цитирования:

Султанова Ж. О. Образы животных в тувинских и кыргызских сказках в советских переводных изданиях на русском языке // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 317-332. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.19>

Султанова Жыпар Оморовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры международной журналистики факультета международных отношений Кыргызско-Российского Славянского университета им. первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина. Адрес: Кыргызская Республика, 720000, Бишкек, ул. Киевская, д. 44. Эл. адрес: jeep502@inbox.ru

SULTANOVA, Zhypar Omorovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of International Journalism, Faculty of International Relations, Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President of the Russian Federation B. N. Yeltsin. Postal address: 44 Kievskaya Str., Bishkek, 720000, Kyrgyz Republic. Email: jeep502@inbox.ru

[ORCID: 0009-0009-6675-3818](https://orcid.org/0009-0009-6675-3818)

DIALOGUE OF CULTURES

Article

Animal Images in Tuvan and Kyrgyz Fairy Tales in Soviet Russian-Language Translated Editions

Zhypar O. Sultanova

Kyrgyz-Russian Slavic University named after the First President of the Russian Federation B. N. Yeltsin,
Kyrgyz Republic

This article examines the images of animals in Tuvan and Kyrgyz folk tales published as Russian-language translations during the Soviet period. The comparative analysis of animal images is conducted with consideration of the corresponding prism of Russian linguistic culture. The relevance and novelty of the study lie not so much in identifying animal images in the fairy tales of the two related linguistic cultures but rather in analyzing the unification of artistic perception of the imagistic range within a single Russian linguistic culture.

The most popular fairy tale animals in the analyzed translated fairy tales of the two ethnic cultures are the fox, the hare, and the wolf.

In the Russian interpretation of Tuvan tales, the image of the fox is conveyed through its craftiness and is represented within the characteristic of being “cunning”, whereas in the Russian-language translations of Kyrgyz tales, it centers around the concepts of “deception” and “punishment”, which ultimately lead to the characterization of the fox as “punished”. The image of the hare in the Russian translations of Tuvan and Kyrgyz tales is presented from two perspectives: the first — boastfulness, leading to the characterization of “bluffing”, and resourcefulness, which ensures the functioning of the characteristic “clever” within Russian linguistic culture. The naivety and gullibility of the wolf in translations of both Tuvan and Kyrgyz tales into Russian is defined by the general characterization as “stupid”.

Keywords: Tuvan folklore; Tuvan fairy tale; Kyrgyz folklore; Kyrgyz fairy tale; animal image; image of the fox; image of the hare; image of the wolf

For citation:

Sultanova Zh. O. Animal Images in Tuvan and Kyrgyz Fairy Tales in Soviet Russian-Language Translated Editions. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 317-332. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.19>

Введение

Историческая и языковая близость тувинской и кыргызской культур (Султанова, 2023) позволяет провести сравнительный анализ их фольклора, в том числе народных сказок. Животные, как яркие и разнообразные персонажи, занимают важное место в этих сказках, что делает их изучение актуальным, в том числе и потому что сравнительный аспект недостаточно исследован.

При изучении фольклоров народов бывшего общего советского пространства также важно учитывать тот факт, что записи и публикации собраний текстов не остались без влияния советской культурной политики, в том числе в формате выбранных сюжетов, сказочных образов и переводных версий. В том числе, например, составители сборников изменяли сюжеты, избегая «жестокостей», не вписывающихся в советские представления о социальной справедливости (Красильникова, Трояк, 2025: 37).

Говоря о переводах, нельзя не упомянуть ещё об одной проблеме. Даже переводчики с естественным билингвизмом в рамках перемещения культурных смыслов при переводе также допускают или

смещение смыслов, или их сокращение, очевидно, с целью адаптации информации для русскоязычного читателя, для популяризации культуры (Кужугет, Сувандии, Ламажаа, 2021: 416).

Поэтому целью данной работы является выявление особенностей образов животных в разрезе развития тех или иных сюжетных линий, а также определение своеобразия их бытования и характеристик в русскоязычной картине мира в рамках переводов тувинских и киргизских народных сказок на русский язык.

Сказки о животных — особый жанр фольклора, в которых персонажами выступают реальные и фантастические животные, встречающиеся в жизни человека или появившиеся через культурные контакты. Среди них есть яркие герои, такие как лиса, волк, заяц, каждый со своими особенностями и поведением (Чумбаева, Бакаева, 2023: 154).

Анализ переводных опубликованных тувинских и киргизских сказок показывает, что в них наиболее популярные персонажи — лиса, заяц и волк, как и в русских сказках. В исследовании с помощью контент-анализа изучены особенности сюжетов и характеристик этих образов.

В задачи исследования входит последовательное рассмотрение качеств трех персонажей: лисы, зайца, волка. Тем самым объектом исследования будут сказочные персонажи животных в переводных тувинских и киргизских сказках, предметом — их характеристики.

Исследование анализирует сказки на практике, раскрывая интерпретационные нюансы образов животных в переводном фольклоре. Изучение сюжетов тувинских и киргизских сказок в русском переводе помогает понять их репрезентацию в русской лингвокультуре.

За основу исследования в данной работе были взяты такие сборники переводов тувинских и киргизских сказок, как: «Тувинские народные сказки» 1971 г. в переводе М. Ватагина¹, «Тувинские народные сказки» 1988 г. в литературной обработке М. Хадаханэ², «Сказки и предания алтайских тувинцев» 1994 г., собранные Э. Таубе³, «Сказания о просторе» 1988 г. в собрании Ч. Таксами⁴, «Сибирские сказки» 1964 г., составленные А. Л. Коптеловым⁵ и «Киргизские народные сказки» 1981 г. Д. Брудного, К. Эшмамбетова⁶.

Для исследования были выбраны сказки из этих сборников, представляющие классическую русскоязычную обработку сказок двух народов. Основным методом исследования является качественный контент-анализ, с помощью которого изучены тексты русских переводов тувинских и киргизских сказок. Этот метод гибок и широко используется для различных целей, включая качественные, количественные и смешанные исследования, применяя разнообразные аналитические подходы для получения результатов и их контекстуализации (White, Marsh, 2006: 41). Также в работе использованы методы сравнительного анализа и синтеза данных.

Обзор литературы

В работе анализируется влияние русской лингвокультуры на интерпретацию фольклорных образов в тувинских и киргизских сказках. Это помогает понять, как происходит культурная и языковая адаптация сказок при переводе на русский язык. Перевод может стирать этнические особенности персонажей, подстраивая их под культурные концепты, знакомые русскоязычной аудитории. Изучение этих механизмов адаптации раскрывает процесс культурной трансформации народных сказок через перевод.

¹ Тувинские народные сказки / сост., перевод. и примеч. М. Ватагин; предисл. Д. С. Куулара. М.: Глав. ред. вост. литературы издательства «Наука», 1971.

² Тувинские народные сказки / переск. и литер. обр. М. Хадаханэ. М.: Детская литература, 1988.

³ Сказки и предания алтайских тувинцев / сост., предисл., коммент. Э. Таубе. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1994.

⁴ Сказание о просторе: сказки народов Бурятии, Горн. Алтая, Калмыкии, Тувы, Хакасии, Якутии и малых народов Сибири — долган, тофаларов и шорцев / сост., авт. послесл. и коммент. Ч. М. Таксами, худож. Б. А. Аникин, ред. Н. Н. Сотников. Л.: Лениздат, 1988.

⁵ Сибирские сказки: кн. / сост. и предисл. А. Л. Коптелов, ил. С. Калачев. Изд. 4-е, доп. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1964.

⁶ Киргизские народные сказки: кн. / пер. с кирг., сост. и обраб. Д. Брудного, К. Эшмамбетова, предисл. и авт. примеч. Д. Брудный, ил. Т. Герцен. Изд. 2-е, доп. Фрунзе: Кыргызстан, 1981.

Классификация сказочных сюжетов, основанная на функциональном принципе, была предложена В. Я. Проппом в «Морфологии сказки» (Пропп, 1928). В данной статье мы опираемся на тезис о постоянстве функциональной составляющей сказочных персонажей. В исследовании важно учитывать то, что вне зависимости от языка повествования, а, соответственно, и от лингвокультуры, функции одних и тех же, либо схожих персонажей в сказках остаются перманентными:

«Меняются названия (а с ними и атрибуты) действующих лиц, не меняются их действия или функции. Отсюда вывод, что сказка нередко приписывает одинаковые действия различным персонажам. Это дает нам возможность изучать сказку по функциям действующих лиц» (Пропп, 1928: 29).

В своей статье о влиянии трансформации на распределение ролей персонажей в народных сказках её авторы А. Коопал и С. Ранграз при структурировании историй (Koopal, Rangraz, 2023: 42–43) опираются на подход французского нарратолога К. Бремона, который, в свою очередь, является последователем В. Я. Проппа. Сторонники структурного нарративизма рассматривали повествование как последовательность определённых действий, а персонажей — как простых актёров, которые движут сюжет вперёд. Они считали, что характер не является независимым и уникальным, а представляет собой одномерный, типичный элемент, зависящий от ограниченных моделей действий, классифицируемых по признакам активности и пассивности.

Этот вопрос становится ещё более злободневным и спорным при переводе сказок с одного языка на другой, ведь при этом возникает множество дополнительных морально-технических нюансов лингвокультурного плана. Данная проблема не нова и достаточно популярна среди исследователей, которые считают, что перевод и литературизация народных повествований и литературных сказок играют важную роль. Это почти всегда становилось задачей учёных или поэтов, которые стремились как можно точнее передать дух оригинала. В зависимости от возможностей и готовности аудитории воспринимать чуждые миры, переводчикам нередко приходилось адаптировать тексты, чтобы они соответствовали культуре своих читателей (Roth, 1998: 254).

Конкретизируя все перечисленные моменты в рамках данного исследования можно отметить, что тувинские сказки достаточно изучены в образовательно-педагогическом (Золотухина, Биче-оол, 2024; Лопаткина, 2021; и др.¹), культурном (Хомушку, 2017; Кунгаа, 2012; и др.²) и языковом (Хайруллина, Сагитова, 2022; и др.³) аспектах.

Кыргызские же сказки менее исследованы, рассмотрены с точки зрения идейных⁴, а также воспитательных (Шербаева, 2016, 2018, 2021; Султанова, 2023) моментов.

Проблемы переводов тувинских сказок и культурных концептов были затронуты в исследованиях Г. Н. Воронцова и М. М. Гасанова (Воронцова, Гасанов, 2022), Ш. Ю. Кужугет, Н. Д. Сувандии, Ч. К. Ламажаа (Кужугет, Сувандии, Ламажаа, 2021).

Что касается кыргызского фольклора и литературы, то в рамках переводческой темы были сделаны исследования «Об опыте перевода кыргызского героического эпоса “Манас”» (Субакожоева, 2022) и «О художественном переводе кыргызских произведений на русский язык (анализ текстов)»⁵.

¹ Принцев И. «Радуга Тувы» // Новые исследования Тувы. 2011. № 2–3. С. 305–307; Чухрова М. Г., Монгуш Ч. Н., Куулар С. Д., Тагильцева Е. А. Анализ тувинских народных сказок и их педагогический потенциал // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6 (97). С. 72–74.

² Артна А. Д. Аналогии в легендах и поверьях о Лох-несском чудовище с легендами и мифами тувинского народа // Сборник научных работ студентов Тувинского государственного университета: материалы ежегодной научно-практической конференции студентов, посвященной Международному году Периодической таблицы химических элементов Д. И. Менделеева, Кызыл, 20 апреля 2019 года. Выпуск XVII. Кызыл: Тувинский государственный университет, 2019. С. 141; Ооржак А. А. Мультимедийные фильмы по мотивам тувинских сказок // Алтай — Россия: через века в будущее : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 260-летию добровольно вхождения алтайского народа в состав Российского государства и 25-летию образования Республики Алтай: в 2 томах, Горно-Алтайск, 09–12 июня 2016 года. Т. 1. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2016. С. 416–418.

³ Бадарч, Б., Саая, О., Донгак, А. Слова монгольского происхождения в тувинских сказках // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5 (78). С. 446–449.

⁴ Касымов К. Идейно-художественные особенности киргизской волшебной сказки: автореферат дис. ... канд. филол. н. Ташкент, 1990.

⁵ Мамбеталиев К. И. О художественном переводе кыргызских произведений на русский язык (анализ текстов) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 5–1. С. 154–158.

Научная значимость данной работы заключается в анализе тувинских и кыргызских народных сказок в русскоязычных переводах, которые, несмотря на свои глубокие культурные связи и тюркскую языковую общность, проходят через призму русской лингвокультуры. Сравнительный анализ этих сказок показывает, как общая советская история влияет на восприятие образов животных в русском художественном контексте. Это позволяет понять, как формируется значение этих образов в переводах и как транзитная русская лингвокультура воздействует на их интерпретацию. Русский язык не является родственным ни тувинскому, ни кыргызскому. Этот «взгляд со стороны» расширяет исследование, структурируя образы животных в переводных тувинских и кыргызских сказках через восприятие русской лингвокультуры. Русскоязычная культурная универсализация упрощает восприятие образов, характерных для фольклора других народов.

Многогранная хитрость лисы

Лиса является главным персонажем в большинстве тувинских и кыргызских сказок. В русской традиции лиса ассоциируется с хитростью, но это качество может проявляться и восприниматься по-разному. Характеристика хитрости может работать в противоположных направлениях, что видно при сравнении русскоязычных тувинских и кыргызских сказок.

Хитрость и изворотливость являются основными чертами, которые проявляются в образе лисы в анализируемых переводных сказках.

Например, в тувинской сказке «Лукавый лисёнок»¹ лисёнок благодаря своему уму и творческому подходу смог ловко обхитрить по очереди горного козла, волков, старика и даже старуху-джелбеге², которая, хотела зажарить его, уложив рядом с огнём. Но лис изощрённо избежал своей печальной участи:

«Чуть только джелбеге вздремнула, лисенок закричал:

— Ой, ой, бабушка, огонь опалает мой бело-рыжий мех, а ведь он должен украшать юношей! Подвиньтесь чуть-чуть! <...>.

— Уй-уй, бабушка, огонь опалает мой рыжий мех, а ведь он должен украшать девушек! Подвиньтесь еще немного! Джелбеге подвинулась чуть-чуть, да и свалилась со скалы, тут ей и конец пришел»³.

В ещё одной тувинской сказке «Лисица и охотник»⁴ лиса также благодаря своей изворотливости помогла охотнику обмануть других зверей, чтобы содрать с них шкуры, а затем отомстить жадному и злому хану:

«Хан был пьяный. Ночью он вышел из юрты покачиваясь. Лисица прыгнула ему на грудь и вцепилась в горло. Охотник стукнул его по затылку.

Хан упал без движения.

Награбленный скот бедные люди из ханских табунов и отар обратно к себе угнали.

Охотник Калзан с лисицей стали в дружбе жить. Мясо они поровну делили, на охоту вместе ходили»⁵.

Сообразительность способна приносить лисе и материальные блага, это отражено в переводе другой тувинской сказки «Лисёнок»⁶, в которой лис, притворившись хромым и заставив бродячего ламу бегать за собой, хитростью забрал у него деревянный короб, который тот носил за спиной. Лама, пытаясь быстрее поймать лисёнка, сбросил свой груз:

¹ Сказки и предания алтайских тувинцев / сост., предисл., коммент. Э. Таубе. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 268–269.

² Мифическая старуха-чудовище из сказок и преданий алтайских тувинцев. Она пожирает мир и всё вокруг — воду, людей, деревья и даже камни.

³ Там же. С. 269.

⁴ Сибирские сказки: кн. / сост. и предисл. А. Л. Коптелов, ил. С. Калачев. Изд. 4–е, доп. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1964. С. 62–64.

⁵ Там же. С. 64.

⁶ Сказки и предания алтайских тувинцев / сост., предисл., коммент. Э. Таубе. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 270–271.

«Сбросил он свой груз и побежал, а лисенок — от него, да еще прикидывается, что еле-еле успева-ет убежать. Прикидывался, прикидывался, да и скрылся за холмом. А там собрался с силами, быстренько обогнул холм и вернулся к коробу бродячего ламы. Открыл его, а оттуда посыпались сахар, боорсак¹ и всякие другие лакомые кусочки»².

Кстати, побежав дальше, лисёнок встречает медведя, и конец данной сказки абсолютно иденти-чен завершению сказки «Лукавый лисёнок», только вместо старухи-джелбеге в данном произведении фигурирует персонаж медведя.

Из исследованных примеров видно, что образ лисы в переводах тувинских сказок на русский язык, в целом, положителен, ее хитрость ассоциируется, прежде всего, с сообразительностью, умением находить выход из самых сложных ситуаций. В рамках преследования собственных интересов с целью наживы, потехи и прочего прозорливый лисёнок предстает в образе хитроумного и расчетливого персонажа. Исходя из изученного материала, в соответствии с русскими сказочными традициями образ лисы передаётся через такие понятия, как ум, изворотливость, прозорливость и коварство. Эти понятия обобщаются в характеристике «хитрая» по аналогии с устоявшимся образом лисы в русских народных сказках.

Стоит отметить, что зачастую в сказках многих народов мира существует модель хитрости — Лиса, которая выражается как прецедентное имя, лисы часто являются символом остроумия и хитрости, а также лукавства, и обычно в сказках слово «лиса» является синонимом хитрости³.

В этом смысле тувинские народные сказки не только в переводах, но и в оригинале, тоже не стали исключением, ведь в них лиса также является воплощением хитрости, коварности, лжи (Хомушку, 2017: 158). В тувинских сказках нередко встречается характеристика *кажар дилги* 'хитрая лиса'

Таким образом, в русской картине мира «хитрость» лисы воспринимается положительно, что так-же отражается в переводных тувинских сказках, где лиса с гибкостью мышления становится приме-ром этого качества. В русскоязычных переводах кыргызских сказок хитрость лисы проявляется через ее интриганство, которое, однако, не остается безнаказанным.

Д. Т. Жалалова и Г. С. Арипова исходят из гипотезы, что «общественный опыт восприятия лисы как дикого животного у кыргызов и русских во многом сходен, а это, в свою очередь, обусловило многочисленные сходства в их взглядах на этого зверя и, в частности, в ценностных компонентах концепта “лиса” в языковой картине мира этих народов» (Жалалова, Арипова, 2020: 30).

В переводе кыргызской сказки «Пастух, тигр и лиса»⁴ двуличная лисица решила выступить по-средником в улаживании конфликта между пастухом и тигром, чтобы от каждого из них по отдель-ности получить желаемое. Хотела откусить пастуху ногу, но он ее перехитрил и она осталась ни с чем:

«В прошлом году у нас был голод. Плохо пришлось и мне. Моя борзая ошенилась двумя щенятами. Ну... я съел их. Теперь щенята в моем животе подросли. Видно, учуяли твой запах и хотят до тебя добраться... <...>. Лиса побежала во всю мочь, радуясь, что унесла ноги»⁵.

В другой кыргызской сказке «Лиса и муравей»⁶ намеревалась ленивая лиса обманом завладеть урожаем, который взрастил муравей, устроила с ним гонки (кто первый придет, тот урожай и забере-рет). Но муравей оказался смысленнее — лиса бежала быстро, а он зацепился за ее хвост и оказался у урожая первым, победив лису: «Муравей перетасил в амбар весь урожай и жил спокойно, сытно. А ленивая лиса голодала всю зиму»⁷.

¹Боорзаки (тув. *боорзак*)— зажаренные в масле кусочки теста.

²Сказки и предания алтайских тувинцев ... С. 270.

³Чжан М. Сравнение прецедентных образов «хитрости» в русских и китайских сказках // Русский язык как иностранный: история, современность и будущее: сборник научных статей Международной научно-практической конференции в рамках Международного форума «Русский язык и литература как средство формирования российской идентичности и международной интеграции». Казань: Издательство Казанского уни-верситета, 2023. С. 134–135.

⁴Киргизские народные сказки: кн. / пер. с кирг., сост. и обраб. Д. Брудного, К. Эшмамбетова, предисл. и авт. примеч. Д. Брудный, ил. Т. Герцен. Изд. 2-е, доп. Фрунзе: Кыргызстан, 1981. С. 272–273.

⁵Там же. С. 273.

⁶Там же. С. 274.

⁷Там же.

В сказке «Лиса и перепел»¹ хотела вальяжная лиса, чтобы перепел сначала ее развеселил, испугал, чему-нибудь научил, чтобы затем съесть его. Но перепел, находясь у лисы во рту, не стал покорно ждать своей гибели и ловко обманул лису, намереваясь научить ее грамоте:

«— Отважная лиса, говори “о–о–о”! — О–о–о! — Лиса разинула рот, перепел и улетел»².

В сказке «Как лиса была наказана»³ пыталась пронырливая лисица обмануть волка, пообещав ему сшить красивую шубу, если он принесет ей сорок черных кудрявых барашков. Раскрыл волк обман, вырвал у лисы хвост, а когда она других лисиц хитростью без хвостов оставила, чтобы не одной без хвоста ходить, волк решил у лисей норы положить горлышко от сломанного кувшина, а сам ушел. Лиса вышла, сунула голову в кувшинное горлышко и застряла:

«Подходит лиса к реке и начинает стряхивать со своей шеи горлышко, а оно никак не сваливается. Сунула лиса голову в воду... Тут и потянуло ее кувшинное горлышко на дно. Так и утонула лиса в реке»⁴.

Образ лисы в переводах кыргызских народных сказок на русский язык неоднозначен. Она очень хитра и умна, но ее хитроумие подается, скорее, с отрицательной стороны. Лиса в кыргызских народных сказках выступает символом хитрости со злым умыслом. Неблагожелательные поступки лисы в целях преследования сугубо личных интересов не остаются незамеченными.

Как считает исследователь Ж. Р. Шербаева, и в оригинале на кыргызском языке

«образ лисы в народных сказках стабилен. Но не всегда она становится победителем, народное нравственное чувство восстает против хитрости и обмана и приводит в сказке к победе человека или другого представителя животного мира» (Шербаева, 2018: 489).

К примеру, в тувинской культуре «для наименования *дилги* — лисы зафиксировано немного эвфемизмов: *кажар кызыл* (зап., центр.) / букв.: ‘хитрая красная’; *кедээр кызыл* (зап.) / букв.: ‘выслеживающий, подкарауливающий красный’...<...>. *Дилги* — лиса, как и в народных сказках, так тувинцы говорят о хитром человеке (*кажары дилги-ле* / букв.: ‘хитрая, как лиса’)»⁵. В кыргызских сказках, как и в тувинских, часто упоминается устойчивое выражение *куу түлкү* / *кажар дилги* ‘хитрая лиса’. Соответственно, лиса может с легкостью обхитрить, обмануть, предать, и общий посыл кыргызских сказок заключается в том, что подобные злодеяния не должны оставаться безнаказанными. И в данном случае лиса в переводных кыргызских народных сказках балансирует между понятиями обмана и кары, которые приводят к характеристике «наказанная». Образ лисы в оригинале и переводах кыргызских сказок однозначно связан с обманом. Актуализация данного понятия в художественной картине мира позволяет увидеть его разные грани и воплощения, его противоречивую природу и неизбежное присутствие в мире (Залесова, 2017: 119). На обмане строятся все ее поступки, а соответственно, формируется и ее основной «хитрый» образ. Но за обман приходится платить — персонажа лисы в кыргызских сказках зачастую настигает кара, ее можно воспринимать как наказание за причиненное остальным зло.

С. Л. Яковлева констатирует, что понятия

«“кара/наказание” в рамках русской картины мира, как и в других лингвокультурах, может восприниматься в двух основополагающих, связанных между собой направлениях: во-первых, это мера воздействия, против совершившего преступление или проступок, а, во-вторых, представляет собой кару, подразумевающую расплату и соответствующее возмездие» (Яковлева, 2012: 249).

В кыргызских сказках лиса редко оказывается окончательным победителем. Чаще всего её оппоненты находят выход из ситуации и обманывают или наказывают саму лису. В переводных сказках обман переходит в кару, что подразумевает обязательное наказание для провинившегося. Поэтому образ лисы в этих сказках часто воспринимается как «наказанный».

Данный образ из кыргызских сказок в фокусе русскоязычной лингвокультуры подаётся как понимание того, что «наказание является карой не потому, что причиняет страдания (это в нем вторич-

¹ Там же. С. 277–278.

² Там же. С. 278.

³ Там же. С. 279–280.

⁴ Там же. С. 280.

⁵ Дамбаа Ш. В. Охотничья лексика в языковой картине мира тувинцев // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1(86). С. 294.

но), а потому, что порождается совершенным неправомерным деянием (это — первично)» (Ратник, 2011: 38).

В этом контексте характеристика «наказанная» в образе лисы в переводных кыргызских сказках указывает на то, что ее обман и злодеяния не должны оставаться безнаказанными — лиса должна понести справедливое возмездие.

Таким образом, в переводах тувинских сказок лиса, благодаря своей хитрости, выходит победителем, а вот в переводных кыргызских сказках её хитрость не приветствуется, и она в итоге получает заслуженное наказание.

В русской культуре лиса не является волшебным существом, а скорее символом, используемым для обучения. Она олицетворяет такие качества, как женственность, ум, хитрость и привлекательность, которые могут заменить физическую силу. Лиса часто достигает своих целей собственными усилиями, пренебрегая моралью. Хотя в русских народных сказках и христианской традиции лиса часто наказывается за своё коварство, дидактический смысл этого образа заключается в том, что её хитрость часто оправдывается успехом, и она не всегда получает заслуженное наказание (Александрова, 2011: 231–232).

С одной стороны, изворотливость лисы связана с её коварством. Поэтому в русскоязычных переводах тувинских сказок лиса характеризуется как «хитрая», благодаря своему уму и прозорливости, что позволяет ей выходить из любых трудных ситуаций, и её образ подается с положительной стороны.

С другой стороны, в русских переводах кыргызских сказок лиса представлена через характеристику «наказанная», что связано с понятиями «обман» и «кара». В этих сказках лиса действует из корыстных побуждений, хитрит, поступает нечестно, и её поведение не остаётся безнаказанным. В этом контексте её образ имеет негативную окраску, так как лиса несет заслуженное наказание за свои деяния.

Разноплановость образа зайца

В тувинских и кыргызских народных сказках заяц также является весьма популярным персонажем среди животных. Характеризуют зайца, прежде всего, с помощью понятий «трусливость» и «хвастливость». Однако в переводах и тувинских, и кыргызских народных сказок, заяц многогранен и даже полярен в своих проявлениях: с одной стороны, он труслив и хвастлив, а с другой — может быть сообразителен и справедлив.

Стоит начать с анализа образа трусливости и хвастливости зайца.

Трусливость присутствует в оригиналах кыргызских сказок, где слово *коён* 'заяц' «восходит к древнетюркскому *qor* 'бояться', 'страх'» (Хисамитдинова, 2010: 202). А вот если говорить о бравате, то «часто в тувинском фольклоре образ зайца наделен такими человеческими качествами, как бахвальство, самоуверенность» (Кужугет, 2018: 43). И в тувинских, и в кыргызских народных сказках заяц прикрывает свою трусливость бравадой, проявляющейся по-разному в различных непредвиденных ситуациях.

Приведем примеры из переводных тувинских и кыргызских сказок, ставших базой для качественного контент-анализа. Бравата чуть не погубила зайца в тувинской сказке «Кто виновнее?»¹ После жалобы лесов хану зверей — старику Ак-Кандызы на животных, он приказал зверям вырыть самую глубокую яму-пропасть и прыгать через неё — кто прав, тот перепрыгнет, а кто виновен, тот упадёт. Опечалился волк, так как был уверен, что упадёт в пропасть, услышав это, стал злорадствовать заяц:

«— Конечно, — кричал он волку, — ты упадешь в яму-пропасть! Кому и падать, как не тебе! Вот был бы ты, кулугур², честным и безвинным, как я, тогда другое дело! Заяц хохотал до самого утра, хохотал, пока верхняя губа у него не лопнула...»³.

¹ Тувинские народные сказки / сост., перевод. и примеч. М. Ватагин; предисл. Д. С. Куулара. М.: Глав. ред. вост. литературы издательства «Наука», 1971. С. 191–192.

² Кулугур (тув.) — плут.

³ Тувинские народные сказки ... С. 192.

Однако раньше времени заяц радовался — волк перепрыгнул пропасть, а заяц в неё упал:

«— Волк, хоть и виновен был, но признал свою вину. Поэтому он и перепрыгнул яму. А заяц, который ободрал в лесу все молодые деревья, так что они высохли, не признался. По этому он и упал. <...>. Хан зверей скалился и вытащил его из ямы за уши. — Пусть заяц остается жить, — добавила молодая лиственница, — но пусть он будет самым трусливым среди зверей. И заяц побежал в тайгу. Бежит и косит глаза: не гонится ли кто за ним. С тех пор стал заяц длинноухим, косоглазым и верхняя губа у него осталась раздвоенной»¹.

В переводе кыргызской сказки «Хвастливый заяц»² на русский язык бравада выступает главной характеризующей зайца чертой, которая в течение некоторого времени оставалась незамеченной и даже принималась за истинную храбрость:

«— Я волка не боюсь, — кричал он, — а лисы и подавно. Однажды, когда заяц особенно расхвастался, внезапно появился волк и зарычал. Хвастунишка задрожал от страха, скакнул и нечаянно ударился о голову волка. От неожиданности волк тоже испугался и побежал прочь...»³.

В некоторых сказках хоть заяц и выступает не главным действующим лицом, но присущие ему черты также раскрываются в полной мере. К примеру, в тувинской сказке «Анчы-Кара (Волшебные цветы с поднебесья)»⁴ заяц хвастается, что всегда готов вступить в схватку с человеком и выйти победителем, но на деле оказывается самым трусливым:

«Больше всех заяц разоряется: Если мне на мои раскосые глаза посмеет человек показаться, я его первым согну, как твои рога, архар. <...>. Рассмеялся Анчы-Кара и выступил из-за деревьев на поляну. Заяц сразу же прыг в кусты — и был таков»⁵.

В аналогичной кыргызской сказке «Чокчолой батыр»⁶ бравада зайца приводит к тому, что после подзадориваний со стороны лисы и барсука, слабый заяц решается напасть на сильного и непобедимого кота-батыра по имени Чокчолой:

«Послушал их заяц, подошел к коту и ударил его. Кот спал крепко и даже не повернулся. Еще раз ударил заяц кота. Вскочил Чокчолой, в ярости разорвал когтями зайцу губу. Закричал заяц от боли, прижал рваную губу передней лапой и пустился наутек»⁷.

Данные примеры, взятые из тувинских и кыргызских народных сказок рассматриваемых изданий, показывают, что бравада становится основной чертой, характеризующей поведение зайца. С одной стороны, в русскоязычных вариантах, как тувинских, так и кыргызских сказок его образ формируется вокруг понятий «трусливость», «хвастливость» и «бравата». Эти понятия в рамках традиционной русской культурно-языковой среды объединяются в характеристику «блефующий»:

«Феномен блефа означает наличие у коммуникатора намерение обмануть собеседника, блеф считается тактическим приемом, который рассматривается как элемент стратегии поведения коммуникатора, пытающегося создать у собеседника впечатление, будто информация в его сообщении и есть то, что происходит на самом деле (тем самым обманывая и путая адресата, заставляя следовать обманной стратегии)» (Табернилья-Басабе, 2018: 199).

Переведённые на русский язык тувинские и кыргызские сказки подают трусливость, хвастливость и браваду как основные черты, характеризующие зайца, которые, в свою очередь, формируют блеф и его применение зайцем в качестве базовой стратегии поведения при столкновении с опасностью, либо при попытке самовосхваления, самооправдания, возвышения в глазах других собеседников.

Однако, парадоксальным образом в русскоязычных переводах тувинских и кыргызских сказок встречается также образ умного и справедливого зайца, который не только не боится, но и готов прий-

¹ Там же.

² Кыргызские народные сказки: кн. / пер. с кирг., сост. и обраб. Д. Брудного, К. Эшмамбетова, предисл. и авт. примеч. Д. Брудный, ил. Т. Герцен. Изд. 2-е, доп. Фрунзе: Кыргызстан, 1981. С. 263.

³ Там же.

⁴ Сказание о просторе: сказки народов Бурятии, Горн. Алтая, Калмыкии, Тувы, Хакасии, Якутии и малых народов Сибири — долган, тофаларов и шорцев / сост., авт. послесл. и коммент. Ч. М. Таксами, худож. Б. А. Аникин, ред. Н. Н. Сотников. Л.: Лениздат, 1988. С. 152–160.

⁵ Там же. С. 153–154.

⁶ Кыргызские народные сказки: кн. / пер. с кирг., сост. и обраб. Д. Брудного, К. Эшмамбетова, предисл. и авт. примеч. Д. Брудный, ил. Т. Герцен. Изд. 2-е, доп. Фрунзе: Кыргызстан, 1981. С. 258–262.

⁷ Там же. С. 260.

ти на помощь другим. Это можно рассматривать как нетрадиционное восприятие образа зайца, привнесённое особенностями русской лингвокультуры через переведенные оригинальные тексты.

В тувинской сказке «Белый заяц»¹ старик Мёге-Сарыг выпустил волка на волю из завязанного мешка, но в ответ волк захотел его съесть. В поисках правильного разрешения ситуации старик и волк обратились к волу, который направил их за советом к умному зайцу. Заяц попросил старика и волка показать наглядно, как всё происходило — в итоге волк залез обратно в мешок, а старик его снова завязал:

«— Ну вот и все, — сказал заяц, — я разрешил ваш спор. Ты, старик, иди своей дорогой, а волк пусть лежит в мешке. Прощайте!»²

В кыргызской же сказке «Лев и заяц»³ заяц, столкнувшись лицом к лицу со львом, действительно не растерялся под угрозой быть съеденным, а проявил смекалку. Пользуясь самовлюбленностью и чрезмерной самоуверенностью хищника, направил его сразиться якобы с другим сильным львом, а на самом деле привел льва к колодезю:

«Увидел лев в воде свое отражение и прорычал: — Разве я не сильнее его? Он что, хочет бороться со мной? Сейчас я ему покажу свою силу! Бросился лев в колодец и утонул. А заяц, как ни в чем не бывало, вприпрыжку побежал дальше»⁴.

В данном случае сообразительность зайца проявляется в его находчивости использовать слабую сторону льва, а именно его самолюбие, чтобы заманить его к колодезю и избавиться от него.

В ещё одной тувинской сказке «Как заяц спас овцу»⁵ повествуется о том, как волк обещал съесть овцу вместе с её ягнятами. Но на помощь овце пришёл заяц, который посоветовал ей найти бумагу с любой надписью и отнести её волку:

«Овца пришла к волку и закричала:

— Я несу указ самого богдо-бургана! Волк, прочитай его, а потом ешь меня!»⁶

Волк, не сумев прочитать то, что написано, попросил зайца это сделать:

«Заяц взял бумагу, посмотрел на нее, посмотрел на волка... И, заикаясь, прочитал:

“Указ. Сделать шубу из шкуры волка. Сделать шапку из шкуры лисы...”

Волк услышал эти слова и пустился наутек. А заяц начал хохотать»⁷.

Соответственно, находчивость зайца спасла овцу и ее ягнятам жизнь.

В данном контексте формируется положительный образ зайца, который в русскоязычных переводах тувинских и кыргызских сказок не только труслив и хвастлив, но и может быть важным помощником как для человека, так и для других животных. Например, в переводах тувинских сказок заяц, благодаря своей проницательности, становится ключевым помощником второго действующего лица, помогая достигать желаемых целей или защищаться от хищников. Это восприятие образа зайца также присутствует в оригинальных тувинских текстах: «...белый заяц выполняет функцию судьи, разрешая тяжбы, что не противоречит тюрко-монгольской традиции, в которой обожествляемое небо считается воплощением высшей справедливости» (Хертек, 2008: 99). В рамках подобного восприятия образа зайца русская лингвокультура оперирует понятиями «сообразительность», «находчивость» и «проницательность», которые дают зайцу такую характеристику, как «смекалистый».

Важно отметить, что «смекалка считается одной из заметных ментальных черт русского народа. Слово “смекалка” является безэквивалентной языковой единицей, несет в себе информацию о национальном образе мышления и раскрывает особенности представления о мире носителей русского языка и культуры» (Мясникова, 2020: 77).

¹ Тувинские народные сказки / сост., перевод. и примеч. М. Ватагин; предисл. Д. С. Куулара. М.: Глав. ред. вост. литературы издательства «Наука», 1971. С. 184–185.

² Там же. С. 185.

³ Кыргызские народные сказки / пер. с кирг., сост. и обраб. Д. Брудного, К. Эшмамбетова, предисл. и авт. примеч. Д. Брудный, ил. Т. Герцен. Изд. 2-е, доп. Фрунзе: Кыргызстан, 1981. С. 264.

⁴ Там же.

⁵ Тувинские народные сказки / сост., перевод. и примеч. М. Ватагин; предисл. Д. С. Куулара. М.: Глав. ред. вост. литературы издательства «Наука», 1971. С. 186–187.

⁶ Там же. С. 186.

⁷ Там же. С. 187.

Именно эта схема поведения зайца и реализуется во «втором» проявлении его образа в переводных тувинских и кыргызских сказках.

Русская картина мира гармонично соединяет упомянутые две грани проявления образа зайца.

По мнению Р. Катаян,

«заяц в русских народных сказках — положительный герой, но изображается двояко. В одних повествованиях это жертва, слабый и беспомощный персонаж, который всего боится. В других он выступает как ловкий хитрец, который, несмотря на страх, способен к храбрым поступкам»¹.

Образ зайца в русскоязычных переводах тувинских и кыргызских сказок представлен в двух аспектах. Первый — заяц, скрывающий свою трусливость чрезмерным бахвальством и бравадой. Это заяц, который, стремясь избавиться от клейма трусости, прибегает к стратегии блефа, изображая себя храбрым. Трусливость, являющаяся основной чертой зайца в этих сказках, формирует характеристику «блефующий», заставляя его храбриться на ровном месте, чтобы избежать унижения и угрозы со стороны врагов или сородичей.

Второй аспект — заяц, умный и сообразительный, который благодаря своей смекалке всегда находит выход из сложных ситуаций. Такой заяц может быть проницательным, находчивым, помогая себе и окружающим преодолеть трудности и победить сильных врагов. В этом случае его образ соответствует характеристике «смекалистый», отражающей восприятие этого персонажа в контексте русской лингвокультуры.

Волк — символ глупости

По результатам изучения переводов на русский язык, как тувинских, так и кыргызских народных сказок, можно утверждать, что образ волка, ещё одного востребованного сказочного животного, и в оригинальном, и в переводном фольклоре представлен через характеристику «глупый». Она может иметь разные оттенки и обстоятельства выражения, но суть остается общей.

Похожи по сюжету и по смыслу русскоязычные переводы тувинской сказки «Козлик — медные рожки»² и кыргызской сказки «Голодный волк»³, в которых волк намеревается съесть то или иное животное, но им путем различных ухищрений удаётся отвлечь внимание волка и обхитрить его. В этом случае можно сказать о недалекости волка.

В тувинской сказке описан следующий диалог волка с маленьким козликом с медными рожками:

«— Теперь и твой черед настал. Я тебя съем, — говорит волк.

— Ты всегда меня можешь съесть. Но какой тебе толк — я еще маленький. Приходи через год — я стану большим и жирным. Вот тогда и ешь.

Согласился волк. Прошел год, и волк вспомнил о козлике — медные рожки. Прибежал к нему и увидел большого желтого козла, рога у него сверкали на солнце, а борода стлалась по земле.

— Что это у тебя на голове сверкает? — спросил волк.

— Это мои мечи. Могу распороть брюхо любому встречному медведю.

— А что у тебя на подбородке? — спрашивает опять волк.

— Это мой платок. Им я утираюсь после обеда, когда наемся медвежьего сала и волчьих почек. Выходи на бой, вставай перед моими рогами-мечами, — закричал козлик.

Серый волк от страха так припустил, что не заметил острых колючек в лесу. А козлик кричит ему вслед:

— Я распорю тебя, проглочу тебя, проклятого!»⁴

¹ Катаян Р. Образ зайца в русских и индийских сказках: сопоставительное изучение// Молодой ученый. 2020. № 6 (296). С. 253.

² Тувинские народные сказки / перекл. и литер. обр. М. Хадаханэ. М.: Детская литература, 1988. С. 92–94.

³ Кыргызские народные сказки / пер. с кирг., сост. и обраб. Д. Брудного, К. Эшмамбетова, предисл. и авт. примеч. Д. Брудный, ил. Т. Герцен. Изд. 2-е, доп. Фрунзе: Кыргызстан, 1981. С. 270–271.

⁴ Тувинские народные сказки / перекл. и литер. обр. М. Хадаханэ. М.: Детская литература, 1988. С. 93.

И примерно такую же ситуацию мы наблюдаем в кыргызской сказке при разговоре волка с кобылой:

«— Теперь могу я тебя съесть? — Съешь, — ответила кобыла. — Только сперва напиши на моем копыте свое имя. И она подняла заднее копыто. Только волк подошел поближе, кобыла ударила волка по голове и убежала. Голодный волк долго лежал без памяти»¹.

Говоря о доверчивости и наивности, присущей образу волка в сказках, в пример можно привести аналогичную по сюжету «Козлику — медные рожки», где козлик обманул волка, тувинскую сказку «Голодный волк и жирный козлик»². В ней жирный козлик, пообещав голодному волку отрезать кусок своего мяса, отправляет его за ножом. Поиск ножа по цепи различных препятствий приводит волка прямо к чуму охотника:

«Волк испугался и повернул обратно. Но охотник снял с плеча черное ружье и выстрелил. Волк упал»³.

В тувинских сказках волк часто взаимодействует со своей потенциальной добычей в образе умного козлика, которому удаётся перехитрить недалёкого волка и остаться целым и невредимым.

Ещё один пример — это русскоязычный вариант кыргызской сказки «Лиса и волк»⁴. Простодушно поверив на слово уверениям лисы о том, что она готова поделиться с ним мясом, волк, став для лисы разменной монетой, угодил в капкан:

«Лиса не могла скрыть своей радости и пропела: “Захватил тебя капкан, влез туда ты сдуру, лежи, дружок, пока. Снимут с тебя шкуру”»⁵.

В переводах кыргызских сказок о животных популярными парами персонажей чаще всего являются волк и лиса. При взаимодействии образов лисы и волка во многих сказках зачастую лисе в силу ее природной хитрости и проницательности удается с легкостью обмануть легковверного волка. Здесь стоит подчеркнуть, что зачастую в оригиналах тюрко-монгольских сказок «волк выступает как глупый, недогадливый и даже трусоватый персонаж, жертва обмана и насмешек» (Чумбаева, Бакаева, 2023: 169). Отсюда следует, что характеристика «глупый» одинаково присуща волку, как в тувинских, так и в кыргызских сказках.

В русской лингвокультуре данная характеристика только укрепляется, ведь волк в русских народных сказках, в большинстве случаев, «вечно голодный, глупый и жадный. Он часто становится жертвой обмана, например, со стороны лисы» (Русское культурное ..., 2004: 64).

Таким образом, в русскоязычных переводах тувинских и кыргызских народных сказок образ волка часто ассоциируется с такими качествами, как «наивность», «доверчивость», «простодушие» и «недалёкость». В контексте русской мировоззренческой среды эти черты приводят к характеристике «глупый».

Важно отметить, что глупость в данном случае означает не просто отклонение от нормальных умственных способностей, но и неспособность воспринимать чужие мысли и вырабатывать собственные суждения. В фольклоре это качество трактуется как неспособность мыслить самостоятельно и «жить своим умом», что воспринимается негативно⁶.

Образ волка в русскоязычных переводах тувинских и кыргызских сказок строится вокруг характеристики «глупый». Наивный и доверчивый волк легко обманывается — у тувинцев это часто делает умный козлик, у кыргызов — хитрая лиса. Однако его наивность и доверчивость не вызывают сожаления, так как они связаны с глупостью, а не слабостью.

Глупость волка определяется его недалекостью, а не тем, что он является невинной жертвой. В сказках волк часто сам становится жертвой своей пассивности и нерасторопности, что подчеркивает его глупость. Поэтому характеристика «глупый» вполне оправдана в репрезентации и восприятии образа волка в переводах этих сказок.

¹Кыргызские народные сказки / пер. с кирг., сост. и обраб. Д. Брудного, К. Эшмамбетова, предисл. и авт. примеч. Д. Брудный, ил. Т. Герцен. Изд. 2-е, доп. Фрунзе: Кыргызстан, 1981. С. 271.

²Тувинские народные сказки / сост., перевод. и примеч. М. Ватагин; предисл. Д. С. Куулара. М.: Глав. ред. вост. литературы издательства «Наука», 1971. С. 182–184.

³Там же. С. 184.

⁴Кыргызские народные сказки ... С. 276.

⁵Там же.

⁶Балашенко Т. В. Концепт «глупость» и его отражение в фольклоре // Сборник работ 61-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета: в 3 ч. / отв. ред. А. Г. Захаров и др. Минск: БГУ, 2004. Ч. 3. С. 10–12.

Заключение

Таким образом, в данной работе были исследованы образы животных — лисы, зайца и волка — в русскоязычных переводах тувинских и кыргызских сказок. Были выявлены характеристики и контексты их репрезентации и восприятия в этих переводах.

В русскоязычных переводах тувинских сказок образ лисы формируется вокруг её изворотливости, поэтому её называют хитрой. В кыргызских сказках, переведённых на русский язык, лиса тоже не вызывает симпатий: она ассоциируется с обманом, который карается, что приводит к доминированию характеристики «наказанная». Образ зайца в русских переводах тувинского и кыргызского фольклора представлен в двух аспектах: во-первых, это хвастливый персонаж, что соотносится с характеристикой «блефующий», а, во-вторых, он находчив, что позволяет охарактеризовать его в русской лингвокультурной парадигме как смекалистого. Волк в русских переводах, как тувинских, так и кыргызских сказок, наивен и доверчив, тем самым формируется устойчивая интерпретация его «глупого» образа.

В исследуемых переводах тувинских и кыргызских сказок возникает проблема смещения или сокращения смыслов, что связано с адаптацией информации для русскоязычного читателя. Решение этого вопроса может быть найдено через изучение этнолингвомаркёров, что позволит точнее реконструировать картину мира народа (Воронцова, Гасанов, 2022:113). Этот вопрос требует дальнейшего исследования.

Отображение образов животных в переводах сказок зависит от лингвокультурного контекста русского языка, через который передаются основные характеристики образов животных, но при этом сохраняется репрезентация элементов культуры, к которой относится конкретная сказка (тувинской или кыргызской).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова, Е. А. (2011) Изучение традиционной этнической культуры через семиотический анализ сказочных персонажей (образ лисы в русской и китайской традициях) // Аналитика культурологии. № 1 (19). С. 230–234.
- Воронцова, Г. Н., Гасанов, М. М. (2022) Этнолингвомаркёры в переводных текстах тувинских народных сказок: лингвокультурологический комментарий // Новые исследования Тувы. № 1. С. 104–114. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.7>
- Жалалова, Д. Т., Арипова, Г. С. (2020) Концепт «лиса» в языковой картине мира киргизского, русского и узбекского народов // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. № 4 (24). С. 29–32.
- Залесова, Н. М. (2017) Концепт «обман» и его актуализация в художественной картине мира (на материале произведения Дж. Фаулза «The Magus») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 5 (118). С. 114–120.
- Золотухина, И. П., Биче-оол, А. А. (2024) Художественные произведения как средство формирования представления о диких животных у детей старшего дошкольного возраста // Аллея науки. Т. 1. № 4(91). С. 961–964.
- Красильникова, Е. И., Трояк, И. С. (2025) Публикации тувинских сказок и героических сказаний на русском языке в советский период: аспект политики памяти // Новые исследования Тувы. № 1. С. 26–38. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.2>
- Кужугет, Ш. Ю. (2018) Фольклорные истоки сатиры в тувинской прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7–1 (85). С. 41–46. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.9>
- Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Ламажаа, Ч. К. (2021) Проблемы перевода концептов культуры на другой язык: на примере тувинских концептов культуры // Полилингвистичность и транскультурные практики. Т. 18, № 4. С. 405–420. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>
- Кунгаа, М. Б. (2012) Новый сборник тувинских сказок на тувинском языке // Новые исследования Тувы. № 4. С. 215–216.
- Лопаткина, С. В. (2021) Тувинские сказки как способ погружения в концептосферу региональной культуры при обучении русскому языку как иностранному на продвинутом уровне // Региональная картина мира в языковой концептуализации: универсальное и уникальное : сборник статей / под общ. ред. Е. А. Горобец. Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет. 127 с. С. 52–60.

Мясникова, Ю. В. (2020) Русская смекалка: содержание этноспецифического концепта // Тенденции развития науки и образования. № 59–3. С. 77–81. DOI: <https://doi.org/10.18411/lj-03-2020-55>

Пропп, В. Я. (1928) Морфология сказки. Л. : Academia. 151 с.

Ратник, С. Д. (2011) Концепт наказания в смысловом поле взаимосвязи с другими понятиями // Вестник Самарского юридического института. № 3(5). С. 36–39.

Русское культурное пространство (2004): лингвокультурологический словарь. Вып.1: Зооморфные образы. Прецедентные имена. Прецедентные тексты. Прецедентные высказывания / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков и др.; под ред. И. В. Захаренко и др. М.: Гнозис. 315 с.

Субакожоева, Ч. Т. (2022) Об опыте перевода киргизского героического эпоса «Манас» // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Т. 37. № 2. С. 83–94. DOI: <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2022-37-2-83-94>

Султанова, Ж. О. (2023) Медиаинтерпретации сказочных образов для детской аудитории (на материалах сибирских и кыргызских народных сказок и аудиоподкастов) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Т. 23. № 6. С. 173–188. DOI: <https://doi.org/10.36979/1694-500X-2023-23-6-173-188>

Табернилья-Басабе, А. Э. (2018) Феномен «блеф» в контексте ситуации неискреннего поведения // Языковой дискурс в социальной практике: сб. науч. тр. международной научно-практической конференции / отв. ред. Н. А. Комина, И. В. Дорофеева. Тверь : Тверской государственный университет. 236 с. С. 198–201.

Хайруллина, А. Р., Сагитова, А. Г. (2022) Языковая картина мира в бытовых сказках тюркских народов Сибири (на материале якутских и тувинских сказок) // Вестник Башкирского университета. Т. 27. № 4. С. 1062–1067. DOI: <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2022.4.41>

Хертек, Л. К. (2008) Символика белого зайца и Медведицы в традиционной культуре тувинцев // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. № 6. С. 97–100.

Хисамитдинова, Ф. Г. (2010) Мифологический словарь башкирского языка. М. : Наука. 452 с.

Хомушку, А. О. (2017) Об основных персонажах в английских и тувинских народных сказках о животных // Лучшая студенческая статья 2017: сборник статей XI Международного научно-практического конкурса: в 3 ч. / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза : Наука и Просвещение. Ч. 3. 218 с. С. 157–160.

Чумбаева, А. С., Бакаева, Э. П. (2023) Об образе волка в калмыцких сказках // Бюллетень Калмыцкого научно-го центра РАН. № 4. С. 152–172. DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2023-4-28-152-172>

Шербаева, Ж. Р. (2016) Некоторые задачи изучения сказок в подготовке учителей начальных классов // Известия вузов Кыргызстана. № 8–1. С. 78–79.

Шербаева, Ж. Р. (2018) Формирование нравственных ценностей у учащихся младших классов на примере сказок о животных // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. № 2. С. 484–490.

Шербаева, Ж. Р. (2021) Специфика мира сказок в восприятии ребенка // Бюллетень науки и практики. Т. 7. № 8. С. 319–324. DOI: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/69/36>

Яковлева, С. Л. (2012) Концепт «кара, наказание» в пословичной картине мира английского языка // Язык и культура. № 1–2. С. 243–249.

Koopal, A., Rangraz, S. (2023) «فیرظن مېب شرگن اب) مءاع ىءامءصرق زا ىءءراپ رءءىصخش هاگىءاچ رىءىءء رب ىءءءرگىءىپ رىءءءء» [The Effect of Transformation on Changing the Role of Characters in a Selection of Folk Tales] // Literary Text Research. № 27 (97). P. 41–70. (На перс. яз.). DOI: <https://doi.org/10.22054/LTR.2021.48431.2879>

Roth, K. (1998) Crossing boundaries: the translation and cultural adaptation of folk narratives // Fabula. Vol. 39. № 3–4. P. 243–255. DOI: <https://doi.org/10.1515/FABL.1998.39.3-4.243>

White, M. D., Marsh, E. (2006) Content Analysis: A Flexible Methodology // Library Trends. Vol. 55. № 1. P. 22–45.

Дата поступления: 04.03.2025 г.

Дата принятия: 24.03.2025 г.

REFERENCES

Aleksandrova, E. A. (2011) Studying traditional ethnic culture through semiotic analysis of fairy-tale characters (the image of the fox in Russian and Chinese traditions). *Analitika Kul'turologii*, no. 1 (19), pp. 230–234. (In Russ.)

Vorontsova, G. N. and Gasanov, M. M. (2022) Ethnolinguomarkers in translated texts of Tuvan folk tales: linguo-cultural commentary. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 104–114. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.7>

Zhalalova, D. T. and Aripova, G. S. (2020) The concept of “fox” in the language picture of the world of the Kyrgyz, Russian and Uzbek peoples. *Actual Problems of Social, Humanitarian and Scientific-Technical Knowledge*, no. 4 (24), pp. 29–32. (In Russ.)

Zalesova, N. M. (2017) The concept of “deception” and its actualization in the artistic picture of the world (based on the material of John Fowles’ novel “The Magus”). *Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, no. 5 (118), pp. 114–120. (In Russ.)

Zolotukhina, I. P. and Biche-ool, A. A. (2024) Literary works as a means of forming ideas about wild animals in older preschool children. *Alleya Nauki*, vol. 1, no. 4 (91), pp. 961–964. (In Russ.)

Krasilnikova, E. I. and Troyak, I. S. (2025) Publications of Tuvan fairy tales and heroic epics in Russian during the Soviet period: the aspect of memory policy. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–38. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.2>

Kuzhuget, Sh. Yu. (2018) Folkloric origins of satire in Tuvan prose. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, no. 7–1 (85), pp. 41–46. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.9>

Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D. and Lamazhaa, Ch. K. (2021) Problems of translating cultural concepts into another language: the example of Tuvan cultural concepts. *Polilingvial’nost’ i Transkul’turnye Praktiki*, vol. 18, no. 4, pp. 405–420. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>

Kungaa, M. B. (2012) New collection of Tuvan fairy tales in Tuvan language. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 215–216. (In Russ.)

Lopatkina, S. V. (2021) Tuvan fairy tales as a way of immersion into the conceptual sphere of regional culture when teaching Russian as a foreign language at an advanced level. In: *Regional Picture of the World in Linguistic Conceptualization: Universal and Unique*, ed. by E. A. Gorobets. Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University. 127 p. Pp. 52–60. (In Russ.)

Myasnikova, Yu. V. (2020) Russian resourcefulness: the content of an ethnospecific concept. *Trends in the Development of Science and Education*, no. 59–3, pp. 77–81. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18411/lj-03-2020-55>

Propp, V. Ya. (1928) *Morphology of the Folktale*. Leningrad, Academia. 151 p. (In Russ.)

Ratnik, S. D. (2011) The concept of punishment in the semantic field in connection with other concepts. *Vestnik Samarskogo Yuridicheskogo Instituta*, no. 3 (5), pp. 36–39. (In Russ.)

Russian Cultural Space (2004). Vol. 1: Zoomorphic Images. Precedent Names. Precedent Texts. Precedent Statements, ed. by I. S. Bryleva, N. P. Volskaya, D. B. Gudkov, et al.; eds. I. V. Zakharenko et al. Moscow, Gnozis, 315 p. (In Russ.)

Subakozhoeva, Ch. T. (2022) On the experience of translating the Kyrgyz heroic epic “Manas”. *Vestnik Dagestanskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series 2: Humanities*, vol. 37, no. 2, pp. 83–94. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2022-37-2-83-94>

Sultanova, Zh. O. (2023) Media interpretations of fairy-tale images for a children’s audience (based on materials from Siberian and Kyrgyz folk tales and audio podcasts). *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo Universiteta*, vol. 23, no. 6, pp. 173–188. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.36979/1694-500X-2023-23-6-173-188>

Tabernilya-Basabe, A. E. (2018) The phenomenon of “bluff” in the context of insincere behavior. *Linguistic Discourse in Social Practice: Collection of Scientific Works of the International Scientific and Practical Conference*. Eds. N. A. Komina, I. V. Dorofeeva. Tver, Tver State University. 236 p. Pp. 198–201. (In Russ.)

Khairullina, A. R. and Sagitova, A. G. (2022) Linguistic picture of the world in everyday fairy tales of the Turkic peoples of Siberia (based on Yakut and Tuvan fairy tales). *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, vol. 27, no. 4, pp. 1062–1067. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2022.4.41>

Khertek, L. K. (2008) Symbolism of the white hare and the Bear in the traditional culture of the Tuvans. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul’tury i Iskusstv*, no. 6, pp. 97–100. (In Russ.)

Khisamitdinova, F. G. (2010) *Mythological Dictionary of the Bashkir Language*. Moscow, Nauka. 452 p. (In Russ.)

Khomushku, A. O. (2017) On the main characters in English and Tuvan animal tales. In: *Best Student Article 2017: Collection of Articles of the XI International Scientific and Practical Competition*, ed. by G. Yu. Gulyaev. Penza, Nauka i Prosveshchenie. Vol. 3. 218 p. Pp. 157–160. (In Russ.)

Chumbaeva, A. S. and Bakaeva, E. P. (2023) On the image of the wolf in Kalmyk fairy tales. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center RAS*, no. 4, pp. 152–172. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2023-4-28-152-172>

Sherbaeva, Zh. R. (2016) Some tasks of studying fairy tales in the training of primary school teachers. *Izvestiya Vuzov Kyrgyzstana*, no. 8–1, pp. 78–79. (In Russ.)

Sherbaeva, Zh. R. (2018) Formation of moral values in primary school pupils through animal fairy tales. *Ural'skii Filologicheskii Vestnik. Series: Language. System. Personality: Linguistics of Creativity*, no. 2, pp. 484–490. (In Russ.)

Sherbaeva, Zh. R. (2021) Specifics of the world of fairy tales in a child's perception. *Bulletin of Science and Practice*, vol. 7, no. 8, pp. 319–324. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/69/36>

Yakovleva, S. L. (2012) The concept of “punishment” in the proverbial picture of the world of the English language. *Yazyk i Kul'tura*, no. 1–2, pp. 243–249. (In Russ.)

Koopal, A. and Rangraz, S. (2023) The Effect of Transformation on Changing the Role of Characters in a Selection of Folk Tales. *Literary Text Research*, no. 27 (97), pp. 41–70. (In Persian). DOI: <https://doi.org/10.22054/LTR.2021.48431.2879>

Roth, K. (1998) Crossing boundaries: the translation and cultural adaptation of folk narratives. *Fabula*, vol. 39, no. 3–4, pp. 243–255. DOI: <https://doi.org/10.1515/FABL.1998.39.3-4.243>

White, M. D. and Marsh, E. (2006) Content Analysis: A Flexible Methodology. *Library Trends*, vol. 55, no. 1, pp. 22–45.

Submission date: 04.03.2025.

Acceptance date: 24.03.2025.